

С. Л. Фирсов*

**«ОНИ ХОТЕЛИ КУЛЬТА»
Культ как миф: к истории книги
«Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения»**

Статья посвящена анализу книги «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения», представляющей собой сборник статей, опубликованных в конце 1939 г. газетой «Правда». Автор изучает статьи, опубликованные в книге, исследует их стилистику и форму подачи материала. По его мнению, данная книга должна рассматриваться как пособие, позволявшее сталинским «ученикам» лишний раз утвердиться в том, что любить Сталина — значило любить Родину, что Родина жила и развивалась лишь благодаря деятельности партии, наконец, что партия и Сталин — понятия тождественные. Указанное заключение позволило автору назвать сталинскую идеологическую модель коммунистической квазирелигией.

Ключевые слова: Сталин, Ленин, вождь, миф, культ, коммунистическая партия, социализм, СССР, Коминтерн, Советская власть.

S. L. Firsov

«THEY WANTED TO A CULT OF PERSONALITY»

Cult as myth: to book history «Stalin. To the sixtieth anniversary since birth»

Article is devoted to the analysis of the book “Stalin. To the sixtieth anniversary since birth”, representing collection of articles published at the end of 1939 by the «Pravda». S. L. Firsov studies articles published in the book, investigates their stylistics and presentation of the material. According to him, this book has to be considered as the grant allowing Stalin “pupils” to be claimed once again that to love Stalin — meant to love the Homeland, that the Homeland lived and developed only thanks to activity of the party, at last, that party and Stalin — concepts identical. The specified conclusion allowed the author to call Stalin ideological model — communistic quasireligion.

Keywords: Stalin, Lenin, leader, myth, cult, Communist Party, socialism, USSR, Komintern, Soviet power.

---

* Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

В 1962 г., в апреле, Л. К. Чуковская беседовала с писательницей В. Ф. Пановой. Речь шла о повести Чуковской «Софья Петровна», посвященной сталинским временам. Среди прочего Панова сказала автору: «В 1937 уже все знали всё», затем добавив: «Конечно, он всему причина. Но не он один. Культ Сталина создал не он один, а миллионы. Они хотели культа. Вот, например, попробую я объявить свой культ. У меня не выйдет» [12, с. 224–225]. Замечание Пановой, думается, следует признать важным психологическим признанием, даже с учетом того, что оно было сделано в период официальной критики «культа личности», уже после того, как тело бывшего «вождя и учителя» убрали из Мавзолея.

Действительно, культ создают миллионы, он не рождается велением одной личности. Другое дело, что подобное «созидание» невозможно без направляющей руки, без тех, кто формирует идеологический «фон» страны, влияет на воспитание миллионов. Иначе говоря, «созидатели» должны направляться и организовываться теми, кто стоит у политического руля, громогласно мотивируют необходимость подобного «культа» для миллионов. Тот, кого славят как самого лучшего и самого сильного героя, достойного прижизненного «обожествления», должен исполнять определенную миссию, являться олицетворением этой миссии. Только тогда оказывается возможным прочно связать идею и ее творца, доказать, что без «творца» невозможно ее полноценное осуществление. Соответственно, невозможно обойтись без мифологизации «творца», без героизации его жизни, облакаемой в сказочные одежды.

Как к этому относился сам «творец»?

Ян Плампер, современный исследователь «кухни» советской пропаганды, на которой готовился главный ее продукт — миф о «любимом вожде», достаточно ясно показал, что «культ Сталина создавался по его желанию, а маска скромности использовалась для того, чтобы преодолеть противоречие между культом личности и государством, претендовавшим на воплощение в жизнь коллективистской идеологии — марксизма» [7, с. 190].

В таком тоталитарном государстве, как сталинский Советский Союз, иначе и быть не могло: вождь мог восприниматься только как символ всего лучшего, нравственного, идейного, политически чистого. Не случайно в вышедшей накануне Великой Отечественной войны книге академика Ю. М. Соколова «Русский фольклор» значительное место уделялось рассказу о том, как народ прославляет Ленина и Сталина, своих любимых вождей. Вот, к примеру, так называемые колхозные частушки, приводимые в книге академика:

Я с окошка на окошко
Цветик переставила,
Чтоб светло было портретам
Ленина и Сталина.

Или:

По завету Ленина,
По завету Сталина
Мы построили колхоз –
Верный путь крестьянина [8, с. 485, 486].

«В творческом восприятии народных певцов, — утверждал Ю. М. Соколов, — образы обоих вождей — Ленина и Сталина — объединены друг с другом, подобно тому как в жизни дело Ленина — Сталина — единое дело» [8, с. 526]. Сказанное не нуждается в особых комментариях, поскольку на тот момент утверждение «Сталин — это Ленин сегодня», стало в СССР общим местом. Коммунистическая религия нуждалась в живом божестве, которому можно поклоняться и у которого спрашивать совета. Здесь следует искать причины того, что в Советском Союзе стали активно публиковаться многочисленные «народные» рассказы о Сталине, «воплотившем народные чаяния и надежды» [8, с. 526]. «Бог» должен был иметь соответствующие своему «божественному» статусу атрибуты. Поэтому ничего странного не следует видеть в том, что в поэзии многих народов в применении к Сталину использовались образы солнца и орла. Сталин также и «высшая мера общественного поведения» [8, с. 528, 550].

К началу 1940-х гг. это стало общим местом, идеологической «нормой» советского общества. О том, как эта «норма» поддерживалась, можно судить и по книге «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения», увидевшей свет в 1940 г. Книга представляет собой сборник статей, опубликованных в «Правде» в декабре 1939 г. Ее тираж составил 300 тыс. экземпляров, следовательно, предназначалась она массовому читателю. Показательно, что даже такой официоз, тем не менее, цензурировался (прошел Главлит). Книга была сдана в набор уже 29 декабря 1939 г., что свидетельствовало о том, что ее подготовка велась заранее. Вероятно, официальные правдинские статьи, посвященные сталинскому юбилею, были написаны и сданы в Главлит до того, как с ними смог познакомиться советский читатель.

Но интересно не только это. Книга оказалась хорошо иллюстрирована, открывалась портретом Сталина, выполненным художником Б. Н. Карповым. Кроме того, читатель мог впервые увидеть настоящую галерею сталинских фотографий: их было 48. Некоторые были ретушированы. Например, известная фотография, на которой вождь с соратниками в апреле 1937 г. посещает канал Волга-Москва. Вместе с ним были К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов и Н. И. Ежов. Последнего с фотографического снимка удалили. Ретуширована была и фотография, на которой Сталин был изображен вместе с Лениным (во время работы VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г.) [9, с. 288, 32]. На самом деле это был коллективный снимок, на котором были изображены, помимо Сталина и Ленина, еще 19 человек [6].

В целом, по книге можно было составить представление о том, кто является наиболее близким и верным последователем и учеником вождя. Чаще всего вместе с ним изображались Молотов и Ворошилов, были снимки Сталина со С. Спандарьяном, Г. К. Орджоникидзе и А. И. Микояном, с М. И. Калининым, с А. А. Ждановым и Н. С. Хрущевым, с Г. Димитровым, А. М. Горьким и С. М. Кировым. Были коллективные фотографии с соратниками, с известными людьми Советской страны (с летчиками), с детьми; помещалась даже фотография вождя с дочерью Светланой. Были представлены и фотографии молодого Сталина (в том числе 1910-х гг.). Впервые советский человек, взяв в руки книгу о Сталине, мог увидеть целое собрание его изображений — за 27 лет (с 1912 по 1939 гг.). При желании книгу, изданную к шестидесятилетию вождя, можно

было бы назвать «Материалами к житию», снабженными многочисленными иллюстрациями. Да и сам текст представлял собой не только набор панегириков, выполненных по единому лекалу, но и некоторые подробности сталинской биографии. Конечно, эти подробности должны были не столько раскрывать подлинные факты жизни вождя, сколько способствовать укреплению его «канонического» образа. Но и в данном случае книга помогала разобраться в том, что и почему хотели подчеркнуть составители панегириков (тем более что без этого затруднительно понять, чем был на практике этот «канонический» образ, равно как и то, почему он «канонический»).

Открывалась книга приветствием ЦК ВКП (б) «Великому продолжателю дела Ленина — товарищу Сталину». Приветствие выполнено в форме хвалебной оды, адресовавшейся не просто вождю, но, более того, — человеку сакральному, если угодно, — «коммунистическому помазаннику». Члены ЦК обращались к Сталину на «ты». Это обращение симптоматично. В русской религиозной (прежде всего и по преимуществу крестьянской) традиции на «ты» обращались к Богу и к царю. Обращение на «ты» выражало не пренебрежение, а близость к Богу и «сыновние» чувства к царю, было знаком глубокого почтения, а не фамильярности. То, что члены ЦК решили приветствовать Сталина в тех же выражениях, что были свойственны простым людям при обращении к монарху, красноречиво говорило о том, что «культ» вождя окончательно утвердился и принял квазирелигиозные формы. Соратники демонстрировали в своем обращении то, что Сталин для них — фигура священная, от которой зависит успех и их жизни, и жизни всех граждан страны. Рассуждая о достижениях СССР, они пытались показать, что служащий народу вождь неотделим от него [9, с. 3–6].

Точно также, на «ты», обращались к Сталину с приветствием и члены Исполкома Коминтерна, международной организации, объединявшей коммунистические партии различных стран мира. Ленин характеризовал Коминтерн как «союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах» [5, с. 230]. К 1939 г. задача установления Советской власти во всемирном масштабе могла рассматриваться лишь как сугубо теоретическая, «перспективная». Но в любом случае эта задача не дезавуировалась на официальном уровне. Таким образом, Сталин — как продолжатель и политический наследник Ленина — воспринимался как тот, кто ходом истории поставлен во главе процесса «советизации мира», как «свершитель» того, что было провозглашено его великим «предтечей». Поэтому, полагаю, не случайно, в обращении «От Исполкома Коминтерна» к нему и обращались на «ты».

Именно под руководством Сталина страна стала могучей, именно он писал работы, которые позволяли Интернационалу расти, крепнуть и развиваться, именно он стал учителем рабочего класса — принципиальным, священной ненавистью ненавидящим врагом, мастером большевистской стратегии и тактики. В послании Исполкома Коминтерна Сталин не только показывался «свершителем», но и характеризовался как «спаситель» человечества от новой войны. Как «спасение» подавалось присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии: вождь «внял голосу томившихся под чужеземным гнетом трудящихся». А затем, «когда трудовой народ Финляндии создал свое

Народное правительство, руководимый тобой советский народ откликнулся на призыв финского народа и оказал ему поддержку в борьбе против его палачей, агентов иностранного империализма».

Панегирик завершается утверждением о том, что у Сталина есть только одна цель — служение освобождению человечества, что коммунисты всех стран, выражая чувства и мысли миллионных народных масс, клянутся ему в том, что претворят великое сталинское учение в жизнь и отдадут все силы торжеству коммунизма и делу Ленина — Сталина. Провозглашение многолетия вождю завершало текст («да живёт многие годы на счастье трудящимся великий вождь и учитель международного пролетариата товарищ Сталин!») [9, с. 317–320].

Получалось, что жизнь и здоровье Сталина непосредственно связаны с жизнью и процветанием не только советского народа, но и трудящихся всего мира. Всё сказано откровенно и без каких-либо намеков. Сталин воспринимается как «человекобог» ровно настолько, насколько сами советские «человеки», как и все остальные трудящиеся, характеризуются как наделенные «божественными» возможностями существа, рожденные для того, чтобы сделать сказку былью. «Человекобог» и «человеки» рассматриваются как существа одного и того же коммунистического порядка, зависят друг от друга. В этом смысле коммунистическая религия вполне может рассматриваться нами как новая модификация древнейших представлений, о которых много писал выдающийся английский ученый Дж. Дж. Фрэйзер:

...какой бы странной ни казалась идея бога, воплощенного в человеческом образе, для первобытного человека, видевшего в человекобоге или в богочеловеке всего лишь более высокую степень присутствия тех же самых сверхъестественных способностей, которые он без малейших угрызений совести дерзко присваивает себе, в ней не было ничего из ряда вон выходящего [11, с. 109].

В этом смысле можно говорить, что в восприятии Сталина величайшим гением, без которого колесо советской (да и всемирной) истории перестало бы крутиться, нет ничего из ряда вон выходящего. В этом смысле и книгу «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения» можно рассматривать либо как доказательство прозвучавшей выше сентенции, либо как ее яркую иллюстрацию, как памятник квазирелигиозного творчества. Обращение к Сталину на «ты» в данном случае вполне оправдано и объяснимо.

Анализируя книгу далее, следует сказать, что вслед за приветствием ЦК ВКП (б) был помещен указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении товарищу Сталину звания Героя социалистического труда (он получил это звание первым), и постановление Совета народных комиссаров СССР об учреждении премий и стипендий имени Сталина. Таким образом, вождь становился первым героем труда страны Советов и человеком, именем которого раздавались благодеяния ее гражданам — деятелям науки и искусства, изобретателям, военным теоретикам и учащимся военных и гражданских вузов, лучшим соискателям ученых степеней и литераторам [9, с. 7, 8–11]. Символ победившего социализма, Сталин оказывался источником благодеяний, совершавшихся его именем. Не случайно и официальный день его

рождения — 21 декабря (по григорианскому календарю), был днем, о котором никогда не забывали*.

В связи со сказанным вполне объяснимо, что следующая публикация представляла собой передовицу газеты «Правда» от 21 декабря с характерным названием «Родной Сталин». Данная статья — апогей славословий, некий компе́ндиум официальных дифирамбов в адрес вождя. Он — всё для всех, он «ковал и множил» силу и славу партии, его имя стало «символом действительной свободы и человеческого счастья», великий ученый, как и Ленин — «горный орел», не знающий страха в борьбе, находящий время для составления истории ВКП (б), большой мастер слова и человек большой культуры, более того — величайший человек нашего времени. «Сталин — наше знамя! Сталин — наше счастье!» [9, с. 12–17]

Обратим внимание на прозвучавшие слова: Сталин назван знаменем и счастьем. Знамя есть символ, в армии — символ воинской чести, доблести и славы, напоминание воинам об их священном долге преданно служить Родине. Таким «напоминанием» и было для советских людей имя Сталина. Так откровенно происходила замена (подмена?) личности символом, идеологическая трансформация человека в «человекобога», который публично объявлялся «счастьем». В. И. Даль, описывая это слово в своем знаменитом словаре, приводил слова «рок, судьба, часть и участь, доля», и затем давал сущностную характеристику понятия: «благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» [1, с. 381]. Если следовать данному В. И. Далем определению, то получится, что Сталин был олицетворением благополучия и земного блаженства, желанной жизни для всех, кто жил под его мудрым руководством.

Эту мысль всячески пропагандировали и его ближайшие соратники, тексты статей которых, предварительно опубликованные в «Правде», затем появились на страницах книги «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения». Эти статьи были расположены таким образом, чтобы читатель понял степень

---

* В этой связи следует вспомнить, что на самом деле И. В. Сталин родился 6 декабря 1878 г. — об этом свидетельствует метрическая книга Горийской Успенской соборной церкви для записи родившихся и умерших. Такая же дата стоит и в свидетельстве об окончании Горийского духовного училища, выданном И. В. Джугашвили в июне 1894 г. В декабре 1920 г. сам Сталин, отвечая на вопросы анкеты шведской социал-демократической газеты «Folkets Dagblad Politiken», написал, что родился в 1878 г. С 1922 г. во всех анкетах Сталина как год его рождения указывался уже 1879-й. Специалисты Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС еще в 1990 г. отмечали, что имеющиеся у них материалы не позволяют достоверностью утверждать, сознательно ли И. В. Сталин изменил дату своего рождения, а также почему он это сделал [2, с. 132–134]. К сожалению, и сегодня однозначного ответа на этот вопрос найти не удалось. Быть может, по каким-либо личным причинам Сталин решил «поднять» свою возрастную планку на один год, но почему он изменил день рождения — остается совершенно неясным. Учитывая, что его крестили 17 декабря, можно предположить, что имя ему нарекли либо в честь одного из персидских священномучеников — епископа Иосифа, пострадавшего в 343 г. (его память отмечается 20 ноября), либо в честь Иосифа Обручника (память которого отмечается 26 декабря) (см.: [4, с. 246, 272]). Во всех случаях даты приведены в соответствии с юлианским календарем.

близости к вождю каждого из авторов. Открывала этот «блок» статья В. М. Молотова, затем следовали публикации К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, М. И. Калинина, А. И. Микояна, А. А. Андреева, Н. С. Хрущёва, Л. П. Берия, Н. М. Шверника и Г. М. Маленкова. Первые шесть авторов были на тот момент членами Политбюро ЦК ВКП (б), таким образом, являясь представителями высшего партийного и государственного руководства. Берия и Шверник являлись кандидатами в члены Политбюро, а Маленков — начальник Управления кадров ЦК и секретарем ЦК ВКП (б).

Специально анализировать их писания особой необходимости нет. Все они посвящены одному: стремлению вновь и вновь рассказать о величии Сталина — как продолжателя дела Ленина, строителя Красной Армии, машиниста «локомотива истории», надежды и маяка для миллионов трудящихся, «Ленина сегодня», организатора всего и вся (в т. ч. и колхозного движения), великого интернационалиста, друга, отца и вождя народов, величайшей личности современности, проявляющей неустанную заботу о человеке, вождя, умело подбирившего и пестовавшего партийные кадры. Основная мысль, проводившаяся в статьях поименованных партийных и государственных деятелей, сводилась к тому, что Сталин — творец народного счастья, чья биография и есть история борьбы народа: рабочих, крестьян, интеллигенции. Он — продолжатель великих ленинских дел, плоть от плоти народной: «человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде солдата», негибаемый и одновременно гибкий, как сталь. Призывая к созданию научной биографии Сталина (как, например, А. И. Микоян), авторы на самом деле давали богатейший материал для изучения сталинского мифа, для понимания того, что чем дальше, тем меньше остается возможностей такую биографию создать (см.: [9, с. 18–133]. По-существу, сами авторы показывали, что можно описывать *не историю жизни Сталина, а историю со Сталиным*. Или, используя выражение культуролога А. М. Эткинда, писавшего о Гр. Распутине, «не то, что и как было, а то, что и как рассказывалось; не события как история, а история как нарратив» [13, с. 586].

Об этом же свидетельствовала и статья Георгия Димитрова — Генерального секретаря исполкома Коминтерна. Представляя Коммунистический Интернационал, Димитров на самом деле являлся в нем проводником сталинских установок, стремясь, как и другие авторы панегириков, воспеть Сталину славу. Затрагивая тему, связанную с международным пролетариатом, автор пытался в восторженных тонах описать внешнюю политику СССР, попутно заклеив западную социал-демократию и отметив, что успех дела пролетарского интернационализма возможен лишь в случае следования указаниям советского вождя, у которого необходимо учиться. Но не это собрание банальностей представляет интерес. Важнее иное замечание Г. Димитрова, которое выдает его явно «религиозный» подход к личности Сталина. «Не всякому дано быть сталинцем, — пишет он. — Почетное звание ленинца-сталинца нужно заслужить большевистской борьбой и стойкостью, беззаветной преданностью делу рабочего класса» [9, с. 148 и др.]. Как здесь не вспомнить евангельское выражение: «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7: 21). Специфическое переименование Христова изречения лишней

раз свидетельствовало о том, что к 1939 г. Сталин окончательно превратился в земного бога, а «сталинцы» — в его верных последователей, которые хотя и не назывались, как верящие во Христа — «рабами Божьими», — но по факту таковыми являвшимися.

Следующие три статьи также принадлежали перу сталинских выдвиненцев нового, послереволюционного времени, членам ЦК ВКП (б). То были статьи заместителя председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП (б) М. Ф. Шкирятова; заведующего секретариатом Сталина А. Н. Поскрёбышева и первого секретаря Ростовского обкома партии Б. А. Двинского; первого секретаря Московского обкома ВКП (б) А. А. Щербакова. Все это были лично преданные вождю деятели, безропотно исполнявшие любое его указание. Как и полагается, писали они о безграничной любви народа к Сталину и Сталина к народу, называли его учителем и другом человечества, подчеркивали неслучайность того, что в массах советских людей сложилось обращение к вождю, как к «отцу родному», называли его знаменем, сплывающим трудовое человечество.

Обычный набор обычных славословий. Но, несмотря на эту «обычность», в указанных статьях есть ряд любопытных (с социально-психологической точки зрения) моментов, показывающих, что представлялось авторам наиболее важным при характеристике величия и гениальности главного юбиляра страны Советов. Так, Шкирятов, являвшийся активным деятелем по выкорчевыванию «врагов народа», писал о том, как Сталин умеет ценить и поддерживать кадры, старается всегда поправить того, кто сделал ошибку, считая исключение из партии рядового ее члена — вопросом жизни и смерти (см. подр.: [9, с. 150–159]).

Подчеркивание партийной и человеческой внимательности Сталина к людям после чисток 1937–1938 гг. смотрелось особенно впечатляюще. Шкирятов показывает, что ошибки могли совершать любые люди, но только не Сталин: тот, кто умеет отделить правду от лжи, добро от зла, сам не может грешить. Только он в состоянии правильно выбрать себе учеников, только он умеет разобраться в их проблемах и только он может найти единственно правильный выход из любого сложного дела. Он не может совершать и идеологических ошибок, как Папа Римский не может впасть в ересь, когда говорит *ex cathedra*. Даже более — он не может говорить ничего «еретического» даже тогда, когда частным образом беседует со своим адептом.

Эту же мысль по-своему доказывали и два других автора — Поскрёбышев и Двинский, написавшие объемную статью о величайшем большевистском теоретике, смысл жизни которого раскрывается в заботе о людях. Развитие Сталиным марксистского учения о государстве также следовало понимать в духе осуществления подобной заботы. Авторы с восторгом писали, как вождь сделал гениальный вывод о необходимости сохранения государства при коммунизме в условиях капиталистического окружения. Вдумчивый читатель, хотя бы немного знакомый с марксистской литературой по этой теме, неминуемо должен был бы прийти к заключению о том, что такой вывод — не развитие, а ревизия учения Маркса и Ленина, что он свидетельствует об отказе от ленинской мечты — распространения советской власти на весь мир. Но подобная «вдумчивость» могла бы дорого стоить тому, кто захотел бы

публично высказать недоумение по поводу теоретических прозрений вождя. Свобода мыслить в СССР принадлежала только одному человеку, который мог изменять генеральную линию партии по своему усмотрению (не случайно о фашизме и борьбе с ним Сталина в книге «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения» ничего не говорится, зато указывается, что сталинская политика «сорвала планы англо-французских империалистов втравить Германию и СССР в войну между собою») (см. подр.: [9, с. 160–178]).

Статья Щербакова, посвященная партии как неприступной крепости, также может быть названа попыткой доказать, что жизнь Сталина есть служение партии, с которой он составляет неразрывное целое [9, с. 179–190]. Получается, добавим от себя, что попытка «отделить» Сталина как исторического субъекта от партии как самостоятельного политического «объекта» изначально обречена на историческую неудачу. Сталин (он же «Ленин сегодня»), как некогда и сам Ленин, с партией сросся настолько, что, говоря «Сталин», видимо, следует иметь в виду «партия». И наоборот.

Последующие статьи с некоторой натяжкой можно признать мемуарно-публицистическими, отчасти «историческими» (при всей условности этого понятия прилагательно к жизни и деятельности Сталина), поскольку славословия в них соседствуют с политически приглаженными и патетически поданными воспоминаниями о встречах с вождем. Среди них работа партийного функционера и большевистского академика (историка партии и главного безбожника СССР) Ем. Ярославского, статьи организатора Красного террора в Крыму 1920–1921 гг. Р. С. Землячки, большевистского депутата IV Государственной Думы А. Е. Бадаева и сталинского тестя С. Я. Аллилуева.

Для историка может представлять существенный интерес, как эти люди, встречавшиеся и работавшие со Сталиным еще с дореволюционных времен, пишут о его величии, прозорливости, всезнайстве. Образ Сталина в этих писаниях — безусловно каноничен, включен в некие «рамки», за которые выходить уже никто не смеет. К 1939 г. было уже строго определено, как называть Сталина (когда просто «Сталиным», когда «товарищем Сталиным»), какие эпитеты и в каких случаях применять, как характеризовать его соратников и противников, какие частные подробности сталинской жизни обнародовать и т. д. Как и прежде, в громкоголосых статьях политических сподвижников вождя, в вышеназванных статьях также невозможно найти ничего, что свидетельствовало бы о каких-либо его слабостях (см. подр.: [9, с. 191–223]). Миф о правильном (и праведном) герое не предусматривает такого рода рассказов.

Завершавшие этот раздел книги девятнадцать статей принадлежали представителям советской общественности — полярникам, писателям (отечественным и западным, прогрессивным), военным и ученым, советским крестьянам и коммунистическим деятелям (в т. ч. и иностранным). Среди авторов были именитые люди советской страны и знаменитые в СССР иностранцы: И. Д. Папанин, А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, М. Цхакая, Д. Ибаррури, А. Марти, Э. Браудер, М. Андерсен-Нексё, Н. П. Каманин, А. В. Александров. Они рассуждали о гениальности Сталина, вспоминали о своих встречах с ним или о том, какое впечатление произвела на них речь вождя, говорили о его исключительной заботливости, проводили многозначительные параллели

(например, А. Н. Толстой: «За Родину! За Сталина!»), указывали, что его имя — источник неиссякаемой силы и вдохновения, а он сам — предтеча и светоч нового, лучшего мира.

Специально исследовать эти статьи необходимости нет, но их можно использовать при реконструкции сталинской биографии как мифа, в котором соединились реальные события и их более позднее восприятие. Кроме того, в этих статьях, опубликованных в конце декабря 1939 г. в «Правде», можно найти несколько весьма показательных фраз, свидетельствующих о невольных оговорках («по Фрейду») их авторов. Одну из таких оговорок допустил полярник Папанин, написав, как «Иосиф Виссарионович, с *обычной сталинской мудростью*, заинтересовался тем, кто и как будет освещать погоду по всей этой сложнейшей трассе (полета через Северный полюс в Америку. — С. Ф.)» (выделено мной. — С. Ф.) [9, с. 224]. О том, что у Сталина и могла быть только *сталинская мудрость*, полярник предпочел не вспоминать, невольно «отделив» «Иосифа Виссарионовича» от его собственной «мудрости». Кстати, завершая статью, Папанин вспомнил и о том, что накануне 60-летия вождя, пожелал тому прожить «трижды столько же», и на шуточный вопрос-замечание юбиляра («Зачем же так много?») провозгласил: «Вы бессмертны, наш дорогой учитель и вождь!» [9, с. 233] В искренности произнесенного сомневаться не приходится, как не приходится удивляться и тому, что подобное заключение воспринималось тогда как вполне нормальное.

На его долгую жизнь славившие его авторы громко надеялись, выставляя их как надежды и чаяния всех людей доброй воли. Писатель М. А. Шолохов, например, куря фимиам вождю и учителю, утверждал, что точно знает, как начнется день 21 декабря у колхозного кузнеца его станицы. До рассвета старик побреется, наденет все праздничное и вместе с семьей старшего сына, приехавшего из соседнего хутора, сядет за стол. В строгой тишине нальет старшим по рюмке водки и скажет: «Нынче Сталину стукнуло шестьдесят годков. Хороший он человек. Дай бог ему побольше здоровья и еще прожить на белом свете столько, сколько прожил!» [9, с. 241]

Что это, как не надежда (в данном случае — только надежда) на бессмертие, озвученная на всю страну надевшимся на это же писателем?

Вопрос, понятно, гипотетический. Если Сталин — источник творческого вдохновения для миллионов, то как жить этим миллионам, если источник когда-нибудь иссякнет?

Об этом страшно было и подумать. В этой связи «бессмертие» Сталина воспринималось несколько иначе, чем «бессмертие» Ильича. Он был «живее всех живых», но — в слове и в декларируемом «деле» созидания нового строя. Сталинское бессмертие предполагало «вечно живого» архитектора, инициатора всех побед — настоящих и будущих. Кстати, и будущее государственной пропагандой связывалось только со Сталиным. Поэтому заученными молитвами, мантрами, звучали слова славивших вождя соратников и единомышленников, не устававших повторять, как один колхозный деятель социалистической Украины: «Хай живее наш любимый Сталин довги роки!» [9, с. 308]

Отдельным блоком в книге приводились приветствия, адресованные Сталину в день его шестидесятилетия. Они размещались в соответствии с при-

нятыми тогда негласными правилами: вначале шли обращения Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР, Исполкома Коминтерна, ЦК ВЛКСМ, Главного Военного Совета Красной Армии и ВЦСПС. Затем следовали послания партийных органов: Московского комитета и Московского городского комитета ВКП(б), Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), Центральных Комитетов союзных республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии (именно в такой последовательности) (см.: [9, с. 311–355]).

Ниже помещались приветствия Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета народных комиссаров РСФСР, Наркомата военно-морского флота СССР, Комиссии советского контроля СССР, Академии наук СССР (см.: [9, с. 356–366]). А завершали блок приветствий (видимо, для примера) обращения отдельных военных структур и партийных организаций, коллективные письма трудящихся республик и города Ленинграда. Помещалось также письмо политического лидера Монголии Х. Чойбалсана, как и советские апологеты вождя, называвшего Сталина родным и любимым учителем [9, с. 377].

Вновь обратим внимание на последовательность приветствий: в Советском Союзе она не могла быть произвольной. Поэтому неслучайным, думается, было и помещение приветствия Академии наук в последнем блоке, в последнюю очередь. Но несмотря на это, данное приветствие представляет особый интерес, поскольку советские ученые в нем заявляли о Сталине как о величайшем мыслителе современности и корифее передовой науки. «Старая гвардия ученых и ученые молодого поколения Советского Союза на Вашем примере учатся работать и побеждать», — заявляли отечественные академики [9, с. 364, 365]. Свои слова они подтвердили и избранием Сталина почетным членом Академии наук СССР. Общее собрание 22 декабря 1939 г. постановило:

За исключительно выдающиеся заслуги в деле развития мировой науки, в деле дальнейшего всестороннего и глубочайшего развития марксистско-ленинского учения <...> избрать товарища Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА почетным членом Академии наук Союза Советских Социалистических Республик [3].

Так миф о гениальном вожде пролетариата — как о «корифее науки» — получил официальное утверждение и в академических кругах. В условиях всеохватного распространения мифа о величии Сталина это следует признать вполне естественным шагом: «вселенский гений» не может не быть учителем и для ученых. Для «Учителя» все остальные — либо «ученики», либо враги, не желающие познать «истину», им, «Учителем», бескорыстно проповедуемую *urbi et orbi*.

Собственно, книга «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения» и является сборником приветствий таких учеников, «познавших истину» и заявлявших о том, что она сделала их «свободными». Это — коммунистическая перелицовка известной евангельской фразы, которая содержится у Апостола Иоанна: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32). Сталин предстает в роли коммунистического «Христа», спасая верных от гибели в капиталистической «геенне огненной». Верные клянутся своему богу в том, что никогда не отступят от его заветов.

В этой связи вполне логично выглядит и то, что в конце книги приводится статистика поступивших на имя Сталина (в связи с его шестидесятилетием) приветствий — от различных организаций и отдельных лиц, от партийных, комсомольских и профессиональных организаций, от коллективов заводов и фабрик, служащих учреждений, колхозов, совхозов и МТС, от детей, учащихся и преподавателей, от собраний и совещаний пенсионеров, домохозяек, допризывников, от Советов депутатов, воинских частей, собраний трудящихся населенных местностей и городов, от избирателей, работников кооперативов и общественных организаций [9, с. 382–383]. В целом число получается внушительное: 25 455 приветствий. Всем им Сталин посылает ответ, который заглавными буквами также публикуется в книге:

ПРИНОШУ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ОБЩЕСТВАМ, ГРУППАМ, УЧРЕЖДЕНИЯМ, ЛИЦАМ, ПРИСЛАВШИМ ПРИВЕТСТВИЯ И ДОБРЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ В СВЯЗИ С МОИМ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ [9, с. 384].

Но публикацией сталинской благодарности книга не завершается, вместо заключения перепечатывается передовая статья «Правды» от 2 февраля 1940 г. — «Со Сталиным во главе, вперед, к коммунизму!» Учитывая, что основной текст, как я уже говорил, был сдан в набор еще 29 декабря 1939 г., следует предположить: неназванные составители книги ожидали того момента, когда будет получен сталинский ответ на приветствия (цитированная выше «Благодарность»). Она и увидела свет 2 февраля 1940 г. А уже 17 марта книга была подписана к печати.

Статья от 2 февраля как бы подводила черту под всеми славословиями, была своеобразным выводом к прозвучавшим в адрес Сталина панегирикам. В ней вспоминалась и фраза о благородном образе вождя — «человека с головой ученого, с лицом рабочего и в одежде солдата», говорилось о том, что он, как и Ленин — «руководитель высшего типа, горный орел», что его идеи и лозунги «преображают рядовых тружеников в замечательных борцов, героев, каждодневно рождают и множат героизм советских людей». Наконец, перефразировалась известная фраза В. В. Маяковского, звучавшая теперь так: «Мы говорим Сталин — мы подразумеваем партию. Мы говорим партия — мы подразумеваем Сталина!».

Вопрос о том, «кто более матери-истории ценен», понятно, не ставился. Впрочем, он решался однозначно в заключительных строках правдинской статьи, когда читателю напоминали о враждебном капиталистическом окружении и пожаре второй империалистической войны, зажженной англо-французскими империалистами, который бушует за пределами страны Советов. «Поджигатели войны, — говорилось далее, — спустили на нас свою моську — белофинские банды. Но наша страна — единственный защитник угнетенных во всем мире, ревностный поборник дружбы народов, борец за мир — не боится угроз и не отступит со своего пути. Наша доблестная Красная Армия выполнит свой долг: поможет финскому народу освободиться от поработителей. Мы уверены в своей победе. *Ибо с нами товарищ Сталин.*

Со Сталиным во главе мы идем вперед, к коммунизму, путь к которому нам ясен и открыт» (выделено мной. — С. Ф.) [9, с. 385–388].

Как видим, заключительные строки статьи были посвящены вовсе не сталинскому юбилею, а практической проблеме, стоявшей на политической повестке дня СССР: установлению просоветской власти в Финляндии. Вера в то, что финский народ «освободится», основывалась на вере в Сталина («ибо с нами Сталин»). Однако за пять дней до подписания данной книги, включавшей и правдивую статью от 2 февраля, в набор Советский Союз заключил договор с «буржуазным» финляндским правительством, ограничившись присоединением северной части Карельского перешейка, нескольких островов в Финском заливе, части финской территории с городом Куоляярви и части полуостровов Рыбачий и Средний. Красной Армии не удалось «помочь» финскому народу. Не помогла и вера в Сталина. Открытый путь к коммунизму оказался для финнов заказанным. Но сталинских официозных мифотворцев подобное, видимо, не смущало. В конце концов, часть территории Финляндии удалось присоединить к СССР. Миф же о Сталине, его всеведении и прозорливости, которую иначе, чем «сверхчеловеческой», и назвать было нельзя, окончательно и, как казалось тогда, бесповоротно утвердился на просторах Советского Союза. Окруженный своими «апостолами» и последователями, новый «бог» «вязал и решал», выступая единственным «глашатаем новой / коммунистической истины».

В сложившихся условиях сборник статей «Правды», изданный в 1940 г., должен рассматриваться как пособие, позволяющее сталинским «ученикам» лишний раз утвердиться в том, что любить Сталина — значит любить Родину, что Родина живет и развивается благодаря деятельности партии, наконец, что партия и Сталин — понятия тождественные. Данное заключение вновь заставляет нас вспомнить о коммунистической квази религии [10, с. 17–182]. В словах о Сталине / Ленине и партии можно увидеть извращенный до безобразия христологический догмат: «Две природы — божественная и человеческая — пребывают в единой ипостаси Иисуса Христа нераздельно и неслиянно». Так и в Сталине соединялась его личная (так сказать, «природная») сущность с «трансцендентной сущностью» партии. Как здесь не вспомнить известную поговорку о дьяволе как об «обезьяне» Бога!

С другой стороны, читая панегирики, восславляющие Сталина, можно вспомнить древнюю индийскую поговорку: весь мир подчинен богам, боги подчинены чарам (мантрам), а чары — брахманам; поэтому брахманы — наши боги. Эту поговорку, при желании, можно калькировать на советскую квази религиозную систему, окончательно догматизированную при Сталине — к концу 1930-х гг. Итак, весь мир подчинен диалектическим законам марксизма, эти законы лучше всего знают и используют для переустройства мира большевики, самый лучший и дальновидный среди них — Сталин; следовательно, Сталин — лучший знаток диалектических законов, главный, даже единственный их толкователь и пользователь. Круг, как видим, замыкается, на «шамане». Книга «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения» может рассматриваться и как сборник «камланий», направленных на восхваление верховного «шамана».

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. Толковый словарь. — М., 1935. — Т. 4: Р — У.
2. Когда родился И. В. Сталин // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 11.
3. Корифей науки Сталин. — URL: <http://maxpark.com/community/4375/content/2087005>.
4. Краткие жития святых на весь год. — Варшава, 1929.
5. Ленин В. И. III, Коммунистический Интернационал // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — М., 1969. — Т. 38.
6. Ленин и Сталин среди делегатов VIII съезда. Март 1919 г. // Сталин. Время, люди, империя. — URL: <http://stalinism.ru/joom-gallery/1917-1929/1917-1929-7-107.html>.
7. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. — М., 2010.
8. Соколов Ю. М., академик. Русский фольклор. — М., 1941.
9. Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения: Сборник статей «Правды». — М., 1940.
10. Фирсов С. На весах веры. От коммунистической религии новым «святым» посткоммунистической России. — СПб., 2011.
11. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М., 1980.
12. Чуковская Л. Из дневника. Воспоминания. — М., 2014.
13. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). — М., 1998.